

Мартин Гилман

**ДЕФОЛТ,
КОТОРОГО
МОГЛО НЕ БЫТЬ**

Мартин Гилман

Дефолт, которого могло не быть

«WebKniga»

Гилман М.

Дефолт, которого могло не быть / М. Гилман — «WebKniga»,

Этой книги о дефолте, потрясшем страну в 1998 году, ждали в России (да и не только в России) ровно десять лет. Мартин Гилман – глава представительства Международного валютного фонда в Москве (1996 – 2002) – пытался написать и издать ее пятью годами раньше, но тогда МВФ публикацию своему чиновнику запретил. Теперь Гилман в МВФ не служит. Три цитаты из книги. «Полученный в России результат можно смело считать самой выгодной сделкой века». «Может возникнуть вопрос, не написана ли эта книга с тем, чтобы преподнести аккуратно подправленную версию событий и тем самым спасти доброе имя МВФ. Уверяю, у меня не было подобных намерений». «На Западе в последние годы многие увлекались игрой в дутые финансовые схемы, и остается только надеяться, что россияне сохранят привитый кризисом 1998 года консерватизм. Но как долго эффект этой прививки будет действовать, мы пока не знаем». Уже знаем.

Содержание

Глава 1	5
Что заставило меня взяться за эту книгу	5
Живая история	7
Водораздел	8
Общего мнения нет	9
Моя «Российская одиссея»	11
Глава 2	13
Десять лет спустя	13
Что было бы, если...	14
Особенности партнерства России и МВФ	15
Запутанный клубок	17
Прелюдия к кризису	18
Русская загадка	21
Глава 3	23
В современный мир	23
Стартовые условия	24
Вторая русская революция	26
Не революция, а заговор?	27
На выходе из экономического коллапса	29
И что дальше?	34
Глава 4	35
Россия становится самостоятельной страной	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мартин Гилман

Дефолт, которого могло не быть

Глава 1

Пролог

Что заставило меня взяться за эту книгу

Вопрос, почему именно я написал эту книгу вполне естественный. Я и сам думал: кто я такой, чтобы высказывать серьезные суждения о России? Я спрашивал и российских, и иностранных коллег, игравших в событиях 1998 года ключевые роли: кто напишет об этом? Но братья за перо никто не собирался. И вот обстоятельства сложились так, что рассказать о тех событиях выпало именно мне.

Хотя, должен признать, планы на жизнь у меня были совсем другие. Выйдя на пенсию после тридцатилетней карьеры международного служащего (сначала в ОЭСР, затем в МВФ), я предвкушал все то чудесное, чем смогу наконец заняться. Мне давно хотелось выучить как следует русский язык, чтобы прочесть «Евгения Онегина» в оригинале. И начать опять играть на фортепиано мне тоже хотелось. И посвятить больше времени семье и моим детям, и обновить научные познания. Всего этого мне действительно хотелось. Но никак не писать книгу о переходном периоде в России.

И тем не менее я за нее взялся. Дело, конечно, не только в том, что никто больше из участников описываемых событий писать книгу не захотел, или что, рассказав эту историю, я бы расставил в ней точки над «i», или что у меня таким образом появилась бы возможность попытаться объяснить – публике или себе – что-то, сделанное тогда. Для меня было важным еще вот что. Мне уже 60 лет, и теперь я, как мне кажется, очень ясно отдаю себе отчет в том, какой мир мы оставим нашим детям в наследство, причем отнюдь не в таком уж далеком будущем.

Еще подростком я где-то вычитал, что взгляды человека на мир полностью формируются годам к 15-ти. Я хорошо это запомнил. Ведь я уже тогда понимал, что мир не стоит на месте, и что, возможно, уроков, преподанных мне родителями, окажется недостаточно для того, чтобы справляться с эволюционирующим *Zeitgeist*, а может даже, чтобы просто понимать его. Ведь мои родители, мои деды и бабушки выросли в эпоху, когда все менялось гораздо медленнее, и потому они, возможно, и не переживали особо по поводу будущего – они могли себе это позволить.

Но сегодня сохранять такой «беспечный» взгляд на жизнь уже нельзя. Велик риск совершить ошибки, которые обойдутся слишком дорого. Да и в прошлом, сто лет назад – кстати, тоже в эпоху быстрой глобализации и оптимистичного общего настроения, тогдашнее поколение политиков не заставило себя пересмотреть взгляд на мир, сформировавшийся в предыдущем столетии. И в результате случились одни из самых трагических событий 20-го века... Я убежден, что мы сегодня обязаны сделать усилие над собой, преодолеть собственную естественную инертность и все-таки попытаться переосмыслить мир с точки зрения тех новых реалий, которые несет нам XXI век. Причем такой пересмотр нашего мироощущения может быть как раз нужнее всего в отношении России и нашего представления о ее месте в мире.

Если честно, меня, как и большинство американцев моего поколения, с детства научили бояться Советского Союза и считать, что за любыми его поступками всегда кроются злые наме-

рения. Я знал, конечно, что в войне против Гитлера Советы были союзниками Штатов и что именно они вынесли на своих плечах главную тяжесть войны, понесли огромные человеческие жертвы. Но зато совсем свеж был в моей памяти кубинский кризис и тот страх, который я, тогда выпускник средней школы, испытал в октябре 1962 года. И даже когда уже при Горбачеве, в 1989 году, пала Берлинская стена, а следом развалилась советская империя, мои «старые» взгляды на мир в отношении этих «новых» русских никак не изменились. Те мои предубеждения и дальше влияли бы на мое мироощущение, если бы обстоятельства моей дальнейшей жизни не сложились так, как сложились.

А вышло так, что, проработав многие годы в Европе и в Вашингтоне и, к тому же, еще два года в Африке, я очутился в Москве. Как мог чувствовать и вести себя здесь американец, родившийся и выросший в Мемфисе? С одной стороны, я мог просто не замечать «всех этих русских» с их обычными повседневными заботами. Мог не задумываться над тем, что им, в отличие от меня, не повезло и они просто в силу своего рождения угодили в самый извращенный и самый масштабный социальный эксперимент в истории человечества и что в этом, собственно, и заключается единственная между ними и мной разница. А мог, наоборот, последовать собственной любознательности и все-таки попробовать понять, что настоящая Россия вовсе не та страна злодеев, какой она мне раньше заочно представлялась.

Выручил меня в определенном смысле пресловутый когнитивный диссонанс. Ведь я теперь жил в незнакомой мне среде, и практически никто из окружавших меня людей мое мироощущение не разделял. Поначалу такой диссонанс между ними и мной не давал мне покоя даже еще больше, чем моя упрямая верность заученным с детства убеждениям. Что-то похожее мог бы, наверное, испытывать человек, которому сначала внушили бы, что Земля плоская, а потом он вдруг очутился бы один-одинешенек среди фанатиков «круглости» планеты. Так что отчасти внутренняя готовность посмотреть на новейшую историю России свежим взглядом и написание книги об этом – это моя попытка убедить остальных, что, когда мир так сильно меняется, относиться ко всему нужно непредвзято.

Уверен, что крайне важно не дать укорениться в умах тому новому образу России, который с недавних пор стал вполне расхожим в Европе и в США. Иначе уже в обозримом будущем возможны серьезные просчеты в прогнозах как у политиков, так и у инвесторов. Если мы не разберемся как следует в том, что уже произошло, не выясним для себя, какие были допущены ошибки, то вполне вероятно, что нам не удастся избежать неприятностей и в будущем. А не задумываться о том, что случится с Россией в последующие годы, мы просто не имеем права: Россия по-прежнему обладает смертоносным военным потенциалом, занимает центральное место в плане географии и ресурсов и конечно же продолжает играть свою историческую роль осевого государства.

Живая история

Я надеюсь, что для российского читателя рассказ о том, как события виделись с позиций МВФ, будет если и не увлекательным, то, по крайней мере, познавательным. К тому же, если не ошибаюсь, это первая книга такого рода. Насколько мне известно, еще ни один руководящий сотрудник фонда не брался рассказывать о событиях, в которых он по долгу службы принимал участие¹. Даже те, кто вышли на пенсию и ничем уже не рискуют, этого пока не делали. Что само по себе несколько странно, особенно теперь, когда о политике правительств и ее разработчиках принято говорить гораздо более откровенно. При такой открытости руководители МВФ наверняка могли бы рассказать немало поучительного о былых событиях².

Есть, конечно, в этом деле свои трудности. Когда пишешь о важном историческом событии исходя из собственного опыта, то какие-то моменты неизбежно вспоминаешь уже не так четко, а о каких-то аспектах и попросту забываешь сказать. К тому же, личные воспоминания всегда односторонни. Но зато мемуары позволяют получить представление и даже немного почувствовать, каково приходилось непосредственным участникам событий.

Но, пожалуй, лишь теперь, по прошествии достаточного времени начинаешь понимать, кто действительно находил гениальные решения, а кто вообще не думал о последствиях. В этом смысле, если вспомнить, какие страсти кипели вокруг тогдашних событий в России и сколько по их поводу было споров, сегодня можно совершенно по-новому выставить оценки и раздать немало похвал и туманов (причем я и сам заслужил и то и другое). Очевидно, однако, что кризис августа 1998 года стал своего рода водоразделом. И, чтобы правильно понять новую Россию, оценить ее силу и потенциал, до сих пор не решенные проблемы, необходимо услышать как можно больше мнений.

¹ За исключением, может быть, работы Дэвида Финча «IMF: The Record and the Prospect» (by C. David Finch, Princeton University International Economics), вышедшей в сентябре 1989 г. Финч руководил в МВФ ключевым департаментом валютных и торговых отношений и в 1988 г. ушел в отставку, предположительно, из-за разногласий по поводу практически открытого политического давления в пользу оказания чрезвычайной финансовой помощи Египту и Польше в 1988 г.

² Думаю, очевидно, что действующие сотрудники МВФ не станут, да и не должны излагать свое личное мнение о странах – членах фонда, с которыми они работают. Однако политика МВФ в области его внешних связей и сильное чувство цеховой солидарности внутри самого Фонда – это уже несколько иной предмет.

Водораздел

Истинное значение кризиса и последовавших за ним событий сегодня, скажем прямо, улавливается пока с трудом. Происходит это из-за того, что Россию в мире по-прежнему видят в негативном свете. Этот отрицательный образ сложился, по крайней мере, после августа 1998 года и закрепился во время второго срока президента Путина. То, какую роль в его создании сыграли западные СМИ и оставшаяся у практически безработных ныне советологов ностальгия по быломu четкому делению мира на Запад и Восток, заслуживает само по себе отдельного серьезного исследования. Но и без этого очевидно, что журналисты и советологи не были полностью объективны. Они обращали внимание только на те новости, которые укрепляли существующий отрицательный стереотип, образ России как страны, опасной для Запада и потому не заслуживающей доверия. Цель моей книги – восстановить равновесие. События августа 1998-го причинили большой экономический ущерб, из-за них пострадали многие люди – как случайные участники, так и весь сверхтерпеливый российский народ, и я ни в коем случае не собираюсь это отрицать. Но в то же время я попытаюсь доказать, что в тот момент страна начала разворачиваться в правильном направлении.

До кризиса 1998 года политический класс России вел себя так, будто ему было все равно, какие последствия будет иметь ожесточенная борьба за активы. Федеральная власть была слаба и дискредитирована (возможно, так проявилась реакция на жизнь в условиях высокой централизации и полицейского государства при коммунистическом режиме). Казалось, страну разорвут центробежные силы. В результате законодательство – даже добротное – на практике не действовало. Госаппарат был деморализован, штаты в бюджетной сфере раздуты и недофинансированы. Сбор налогов находился в ужасном состоянии, и его эффективность была абсолютно недостаточна даже для ограниченного финансирования управленческих функций государства, не говоря уже о жизненно необходимой системной трансформации. У государства не было ни воли, ни средств для эффективных действий. Кризис 1998 года стал сигналом к действию. Страна должна была выбрать между воровским капитализмом банановой республики и жесткой программой превращения в современное государство.

Я придерживаюсь того мнения, что Россия действительно возрождается на наших глазах, но при этом все же нужно стараться сохранять трезвость в оценках. Ведь сколько раз в вопросе о краткосрочных перспективах экономического развития в России общепринятое мнение, в том числе и среди специалистов (о чем еще будет разговор), оказывалось ошибочным. Нельзя забывать, что надежность любых прогнозов всегда относительна.

Историю пишут победители. Так мы привыкли считать, и это имеет большое значение, поскольку от того, как история преподнесена, непосредственно зависит и то, как мы ее воспринимаем. Это касается не только общей истории, но и экономической – от того, как она изложена, зависят наши ожидания и расчеты на будущее.

Моя книга – это как раз такой рассказ о кратком периоде в истории политической экономики. Как станет видно из повествования, имеющийся на сегодняшний день результат ни в коем случае не был предопределен. Исторический детерминизм в стиле неверно понятого гегельянства никакой роли не сыграл. А если бы были верны тезисы экономического детерминизма, мы бы имели сегодня совершенно другой результат. Национальный характер, бесспорно, накладывает свой отпечаток на события и в какой-то мере влияет на их ход, но все-таки не он сыграл решающую роль. Просто люди, которые прямо по ходу дела искали и находили решения, таким образом начали писать новую страницу в истории своей нации.

Общего мнения нет

В этом смысле особенно важно правильно понять реальную суть кризиса 1998 года и его последствий. В историческом плане очевидно, что Россия осталась в выигрыше. Однако не все эту точку зрения разделяют, считая, что в последние десять лет просто имело место некое временное искажение, получившееся в результате высоких цен на энергоносители и, возможно, какого-то исключительного везения. Такое толкование событий, главным образом за пределами России, преобладает потому, что США и Западная Европа по-прежнему остаются в представлении обычных людей ведущими державами, особенно с учетом веса СМИ этих стран в мировом медийном пространстве.

Подобные представления сохраняются в умах еще и потому, что после финансового краха в 1998 году якобы вскрылись некие финансовые скандалы. Их до сих пор преподносят как скандалы, хотя на деле они были в значительной степени выдуманы: выделенный в июле 1998 года транш МВФ в 4,8 млрд долл. США украден не был, а Bank of New York никакие миллиарды русской мафии не отмывал (хотя некоторые злоупотребления и имели место). Но в СМИ только и было что сенсационные статьи на первых страницах, броские заголовки в теле-новостях и последующие парламентские расследования. Могло ли после этого сформироваться какое-то иное общественное мнение? Ведь о том, что обвинительные статьи впоследствии опровергались, недобросовестных репортеров выгоняли с работы, иски урегулировались, а в некоторых случаях снимались обвинения, если и писали, то лишь в некоторых крупных газетах, да и то отнюдь не на первых страницах.

Читатели, ожидающие от меня сухого отчета о событиях, возможно, посчитают, что мое повествование местами непоследовательно, а мысли – скачут. Но я выстраивал свой рассказ, имея в виду в первую очередь показать, как в условиях постоянной нехватки исчерпывающей информации неглупые люди, поставленные каждый на своем уровне перед необходимостью принимать решения исходя только из собственного понимания ситуации и мотиваций и ожиданий всех остальных, в большинстве случаев искренне пытались найти все-таки оптимальный вариант. Иногда им это удавалось, а иногда нет. Их задачу усложняло и то, что на развитие событий одни россияне спонтанно отвечали возвратом к идеалам советского прошлого, а другие, наоборот, спешили воспользоваться общей неразберихой и сколотили себе неплохие состояния – у кого сколько получилось. Причем получилось у некоторых настолько неплохо, что, по подсчетам журнала «Форбс», на конец 2007 года общее состояние 87 российских долларовых миллиардеров равнялось 30% ВВП страны. Но я не вдавался в психологические интерпретации и тем более старался никого не судить.

Следует признать, что развитие событий в России могло бы сложиться гораздо хуже. Это не значит, что сегодня все в полном порядке или что у страны безупречные отношения с соседями и уж тем более с Западом. Просто если бы мы жили в идеальном мире, то, наверное, можно было бы рассчитывать и на более впечатляющий результат. В реальном мире следует признать, что нам очень повезло. Я даже скажу больше – в отличие от моего друга Кристины Фрилэнд, которая, правда, свою книгу написала сразу после кризиса: полученный в России результат можно смело считать самой выгодной сделкой века.

Я категорически не согласен с распространенным в научных кругах мнением, что Россия – страна-неудачница и что она всегда будет оставаться на «задворках» цивилизованного общества³. За последние несколько лет Россия своим примером полностью опровергла такие

³ С июня 1993-го по октябрь 1996 г. я работал старшим сотрудником в составе переговорной миссии МВФ в России и советником по вопросам политики, ответственным за внешний сектор. С ноября 1996-го по июнь 2002 г. я постоянно работал в Москве в качестве сотрудника Фонда, а с февраля 1997-го – в качестве руководителя московского представительства. После возвращения в штаб-квартиру МВФ в Вашингтоне три года проработал в качестве помощника директора Департамента

доводы, как и представления сохранившихся еще кое-где на Западе романтиков марксизма. Обреченных стран не бывает. Выход из положения есть всегда. Нужны только правильно обозначенные экономические ориентиры и, как и в любом начинании, немного везения. Но и в этом случае все может случиться с точностью до наоборот – и потому, хотя при президенте Путине, а теперь Медведеве россияне и начали выводить свою страну на путь процветания, успокаиваться и почивать на лаврах им еще рано.

Точно так же, как кризиса 1998 года можно было избежать, и повторение подобных потрясений в будущем отнюдь не неизбежно. При этом пытливый читатель наверняка отметит для себя, насколько важно в этом смысле запомнить уроки того кризиса. Что, кажется, уже и сделало нынешнее поколение россиян: не похоже, чтобы они в обозримом будущем решились снова начать жить не по средствам. Поэтому главный вопрос здесь, пожалуй, в том, как такому же отношению научить тех, кто придет им на смену. Герберт Уэллс как-то сказал: «История – это рассказ о соревновании, в котором побеждает либо обучение, либо катастрофа». На Западе в последние годы слишком многие увлекались игрой в дутые финансовые схемы, и остается только надеяться, что россияне сохраняют привитый кризисом 1998 года финансовый консерватизм. Но как долго эффект этой прививки будет действовать, мы пока не знаем⁴.

В суждениях о России наблюдатели обычно впадают в крайности. И чем дальше от Москвы, тем больше амплитуда этих оценок. Например, летом 1997 года рублевые векселя российских регионов с большой охотой покупали уже даже мелкие частные инвесторы в американской глубинке. Одновременно в самой России инвесторы, наоборот, не очень-то им доверяли и предпочитали вкладывать деньги за границей в долларовые инструменты. Затем, когда в представлении иностранцев российские ценные бумаги стали опаснее ядерных отходов, российские инвесторы, в том числе и некоторые инвестиционные банки в Москве, по-прежнему реагировали на ситуацию гораздо спокойнее. На мой взгляд, реальную картину искажали – порой достаточно сильно – всяческие измышления бывших советологов вкупе со статьями и репортажами работавших в Москве журналистов. Именно из-за того, что тогда на Западе писали о России, о ней создалось расхожее представление как о стране, где правят эгоистичные олигархи и бывшие агенты спецслужб.

Общественное мнение по-прежнему скептически относится не только к России, но и к МВФ. Фонд действительно допускал просчеты, и это будет отражено в моей книге. Но в то же время считаю необходимым опровергнуть тех критиков – например, Джозефа Стиглица, – которые утверждают, что МВФ совершил в России слишком грубые, совсем уж очевидные ошибки. И одновременно попытаюсь показать, что на самом деле Россия в тот период была вынуждена одновременно решать самые разные и крайне сложные проблемы и что с учетом царившей в стране неразберихи она справилась с этой задачей много лучше, чем можно было ожидать. Эта настоящая Россия совсем не такая, какой ее представил Эдвард Лукас⁵.

разработки политики, где отвечал за вопросы суверенных долгов, в том числе за связи с Парижским клубом (что включало в себя и соответствующие аспекты российских долгов). В июле 2005 г. я вернулся в Москву, где с тех пор совмещаю профессорскую работу с должностью директора Центра фундаментальных междисциплинарных исследований (CAS) Высшей школы экономики.

⁴ У меня не вызывает никаких сомнений, что приобретенный «иммунитет» не ослабнет до тех пор, пока за экономическую политику в России отвечают вице-премьер Алексей Кудрин, председатель Центрального банка Сергей Игнатьев, министр экономики Эльвира Набиуллина и остальные их коллеги, работавшие с ними в правительстве во время кризиса 1998 г.

⁵ В своей недавно вышедшей книге «The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West» Лукас с особой последовательностью изложил тщательно проработанную точку зрения на Россию как на страну, не справившуюся с реформами и потому не только упустившую свой исторический шанс присоединиться к Западу, но даже и ставшую для него определенной угрозой.

Моя «Российская одиссея»

Я не профессиональный эксперт по России, хотя по сравнению с некоторыми специалистами, возможно, научился понимать эту страну глубже и тоньше, ведь все последние 15 лет моя профессиональная и личная жизнь была целиком связана именно с Россией. В 1993 году, работая в МВФ, я был назначен в его «российскую команду» и начал практически ежемесячно курсировать между Вашингтоном и Москвой. А в ноябре 1996 года меня и вовсе перевели в Москву главой представительства МВФ. В российской столице я прожил вплоть до возвращения в Вашингтон в июле 2002 года⁶. Наконец, в июле 2005 года я опять вернулся в Москву и с тех пор живу здесь постоянно.

Мне довелось на протяжении более чем 30 лет заниматься экономическими проблемами самых разных стран, сначала в рамках Организации экономического сотрудничества и развития в Париже, а затем в МВФ. В фонде я в основном работал в Департаменте разработки и анализа политики и участвовал в переговорах с 17 странами в Восточной Европе, Азии, Африке и на Ближнем Востоке. В этом качестве я почти восемь лет находился в самом центре событий в России. Поэтому при работе над книгой я опирался на собственные записи и воспоминания о состоявшихся тогда встречах, дискуссиях и событиях.

В написании книги мне оказали помощь и бывшие руководители МВФ, в первую очередь Мишель Камdessus, Стэнли Фишер и Джон Одлинг-Сми. Камdessus, кстати, многие свои взгляды, отраженные в этой книге, публично высказал впервые. Освежить воспоминания мне также помогли беседы со многими российскими руководителями, которых я хорошо знал по работе, а с некоторыми со временем даже подружился. Ну и, наконец, самым, может быть, главным подспорьем при написании книги стало то, что я женился на Татьяне Малкиной. Ведь она вплоть до нашего отъезда в Вашингтон в 2002 году была одним из ведущих политических обозревателей в России, входила в «кремлевский» пресс-пул, и благодаря ей у меня появился не только уникальный прямой канал связи на самом высоком уровне власти, но и возможность понять, как сами россияне в действительности воспринимают окружающий мир⁷.

И, в заключение этой главы, еще одно важное соображение. Все, что предшествовало кризису 1998 года, и то, что за ним последовало, вполне можно рассматривать как жестокий удар не только по самой России, но и по репутации МВФ, а может быть, и по репутации автора. И потому может возникнуть вопрос, не написана ли эта книга с тем, чтобы преподнести аккуратно подправленную версию событий и тем самым спасти доброе имя МВФ. Уверяю, у меня не было подобных намерений. К тому же, я теперь на пенсии, и вряд ли кто-то может меня заставить излагать приукрашенную историю. Да никто и не пытался. МВФ лишь попросил проявлять сдержанность в критических оценках конкретных лиц. Будь я по-прежнему сотрудником фонда, тогда его правила, возможно, и помешали бы мне выпустить книгу. В 2003 году, кстати, именно так и случилось, но с другой моей, более ранней рукописью⁸. При том, что МВФ последовательно призывает других добиваться полной открытости и прозрачности, тот запрет кажется, конечно, несколько странным, поскольку выставляет сам фонд в невыгодном свете как

⁶ С марта 2001 г. по июнь 2002 г., взяв в МВФ долгосрочный отпуск, я занимал профессорскую должность в ГУ-ВШЭ. Тогда и начала формироваться идея этой книги.

⁷ Моя жена в настоящее время делит свое время между журналом «Отечественные записки», который она основала в 2001 г., ее телевизионным ток-шоу «Ничего личного» на третьем канале, многочисленными друзьями и нашими двумя детьми.

⁸ Речь тогда шла о книге несколько иного плана, и писал я ее во время моего долгосрочного отпуска в 2001 – 2002 гг. в МВФ. В Фонде некоторые, естественно, опасались, что в подобной книге рассказ о практической работе МВФ может получиться чересчур откровенным. И потому они сумели сделать так, что российские власти притормозили публикацию. Руководство Фонда к весне 2003 г. полностью поменялось, и книгу отправили в долгий ящик. Камdessus по этому поводу написал с сожалением, что, в отличие от бутылки хорошего французского вина, таким рукописям долгое хранение в погребе на пользу не идет.

организацию чересчур осторожную. Но как бы там ни было, думаю, что я не заслуживаю упреков в том, что эта книга призвана «защитить честь мундира» и, следовательно, необъективна: в экономике России в последние годы были и удачи, и провалы, но МВФ к ним имеет очень мало отношения. Россияне и ошибки совершали, и успехов добивались в первую очередь сами.

Это книга – о людях, живущих в эпоху исторических перемен. Сложно по отдельности поблагодарить каждого, кто помог мне в ее написании – таких людей слишком много. Мои коллеги в московском офисе МВФ – Джонатан Андерсон, Альфред Каммер, Том Ричардсон, русские сотрудники под руководством Татьяны Рубиной – были моими лучшими учителями. Невозможно недооценить вклад российских партнеров и моих друзей в России. Многие из них потратили свои силы и время на то, чтобы обсудить со мной свои впечатления об описываемых событиях, и я в долгу перед ними. Особо я бы упомянул Сергея Алексащенко, Андрея Бугрова, Александра Волошина, Олега Вьюгина, Евгения Гавриленкова, Мишеля Камдессю, Михаила Касьянова, Алексея Можина, Эльвиру Набиуллину, Джона Одлинга-Сми, Александра Потемкина, Стэнли Фишера и Евгения Ясина. Благодарю также моего друга

Викторию Янакову за советы и мою помощницу Елену Лавренюк за техническую сторону работы. Эта книга никогда бы не увидела свет без неоценимых редакторских усилий Андрея Денисова и Дмитрия Волкова. И наконец, я посвящаю эту книгу Тане и нашим детям – Марку и Агате. Посвящаю ее также всем детям, которые, как я надеюсь, в XXI веке будут жить в мире и процветании.

Глава 2

Ретроспективный взгляд на крах 1998 года

Десять лет спустя

Поразительно, насколько экономический кризис, случившийся в России в 1998 году, видится сегодня по-другому. Десять лет назад царило ощущение, что России, а следом за ней, может быть, и всему миру, не избежать каких-то катастрофических последствий. Ведь страна действительно была на грани экономического коллапса и политического взрыва, и казалось, что в любой момент может случиться все, что угодно. Невозможно было и представить, что всего десятилетие спустя российская экономика будет на подъеме.

И ведь Россия не просто избежала краха. Сегодня мировой экономике грозит финансовый кризис, сопоставимый с Великой депрессией 1930-х годов, на международных рынках царит тревожное настроение, а Россия на удивление хорошо себя чувствует. Более того, власти США смягчают бюджетную дисциплину, наращивают ликвидность и пытаются спасти крупные финансовые учреждения от банкротства – то есть фактически чуть ли не сознательно повторяют ошибки, допущенные Россией в конце 1990-х годов. И потому, как это ни парадоксально, теперь уже ветеран российских государственных финансов Алексей Кудрин мог бы, наверное, посоветовать американцам, как лучше всего справиться с финансовыми неурядицами.

В августе 1998-го в России закончился пусть и хаотичный, но неизбежный после развала советской системы переходный период и началось строительство уже совсем другой страны. Но не буду забежать вперед. Хотя кризиса могло и не быть, он все-таки случился, и, чтобы понять его истоки, нужно хотя бы вкратце вспомнить, с чего все начиналось в постсоветской России и как происходило ее трудное становление уже в качестве вполне современной страны⁹.

С точки зрения внешнего мира этот этап истории России заключается прежде всего в том, что она начала возвращаться в глобальную экономику. Но нельзя забывать, что с тех пор, когда она еще была частью этого мира, прошло семьдесят лет и что к 1991 году в стране уже не было практически никого, кто застал бы те времена во взрослом возрасте¹⁰. Поэтому реинтеграция России была процессом очень специфическим, и история членства в МВФ, вплоть до кульминационного августа 1998 года, только подчеркивает это.

⁹ Естественно, на эту тему имеется обширная литература, гораздо более подробно освещающая тему, чем эта книга. Например, Aron (2007), Aslund (1995), Brady (1999), Braguinsky & Yavlinsky (2000), Cohen (2000), Gaidar (2007), McFaul (2001), Shleifer (2005), Sutela (1998).

¹⁰ После второй мировой войны Советский Союз и его обширная сеть стран-сателлитов и дружественных государств образовали торговую систему – формально международную, но все-таки полностью основанную на межгосударственных контрактах. И точно такой же подход они применяли в своих связях со всем внешним миром.

Что было бы, если...

Мы только что пережили крайне опасный период в российской, да и в мировой, истории, хотя плохо отдаем себе в этом отчет. А ведь в последние 15 лет в России действительно могло случиться все, что угодно. Например, когда Ельцин в сентябре 1993 года распустил Верховный Совет, армия могла выступить не за него, а против. Страшно подумать, во что бы это вылилось. Или, например, Ельцин в 1996 году мог пойти на поводу у Сосковца и Коржакова, приостановить действие Конституции 1993 г. и отменить президентские выборы. Что стало бы с Россией тогда? Ведь, скажем, непредсказуемый и решительный генерал-десантник Александр Лебедь мог бы сплотить вокруг себя оппозицию и добиться того, чтобы больного и непопулярного Ельцина просто отправили в отставку. И сегодня в России могла бы заправлять некая хунта пиночетовского образца.

Слава богу, ничего подобного не случилось. Но если учитывать, что России предстояло положить конец самому извращенному и крупномасштабному социальному эксперименту в современной истории, за который уже успели заплатить жизнью десятки миллионов людей, и что в распоряжении ее армии по-прежнему находилось почти 6 000 активных ядерных боеголовок, в том числе и на боевом дежурстве, то становится очевидно, насколько же нам повезло. Именно повезло. Потому что относительно счастливый исход тех бурных событий ни в коем случае не был предопределен. Все могло кончиться гораздо хуже.

Особенности партнерства России и МВФ

В 2002 году США и Европейский союз объявили Россию страной с рыночной экономикой, а агентство Moody's в октябре 2003 года повысило ее рейтинг до инвестиционного уровня. Тем не менее, очевидно, что во многих отношениях переход к рыночной экономике в России еще не завершен. Нет сомнения, что со временем эта страна – самая большая и населенная в Европе – станет и самой богатой на континенте; уже сегодня ее экономика выходит на 7-е место в списке крупнейших в мире, впереди Франции и Италии. Но многое еще предстоит сделать¹¹.

Остается бесспорным, что такого быстрого и успешного выхода России из кризиса никто не ожидал. Правда, во времени этот процесс в целом совпал с ростом мировых цен на нефть, но только ли в этом его причина – вопрос не такой простой (см. главу 11).

При рассмотрении последствий кризиса 1998 г. все более или менее согласны в том, что реформы еще не проведены в полном объеме, хотя и нет однозначного ответа на вопросы, почему столько преобразований остаются неосуществленными и насколько вообще процесс реформ необратим. Но уже гораздо больше споров вызывают роль и влияние Запада в 1990-х годах, уместность рекомендаций, предлагавшихся тогда из-за рубежа, а так же цепочка финансовых скандалов, из-за которых России стало гораздо сложнее добиться репутации надежного партнера.

Разобраться во всем этом действительно непросто: в тех тесно переплетенных между собой событиях было слишком много и героев, и злодеев, что в России, что на Западе. Но зато, следя за развитием истории, читатель сможет убедиться: это сегодня, по прошествии времени, кажется очевидным, что все вроде бы складывалось удачно. В разгар событий определяться было гораздо труднее. И это одна из главных сложностей в политической экономии: чтобы составить взвешенное мнение, нужно время.

Тем не менее, когда Россия еще только начинала свое становление на развалинах Советского Союза, слишком многим казалось, что процесс нормализации не займет много времени, тем более что в 1980-е годы в некоторых других переходных экономиках именно так и получилось. И в силу этих ни на чем не основанных надежд западные и российские политики ставили перед обычными людьми задачи и навязывали им стиль работы, которые вряд ли могли принести ожидаемые плоды¹². Но лидерам «Большой семерки» и их многочисленным советникам результат нужен был немедленно. МВФ при этом был для них политически удобным средством для достижения определенных целей, и потому отсутствие быстрых результатов часто вызывало у них раздражение в отношении руководства и России, и фонда. Ситуация усугублялась тем, что по целому ряду вопросов, особенно неэкономического характера, никакого монолитного единства взглядов внутри самой «Семерки» не было.

Эта неоправданная поспешность предопределила роль, которую в разворачивающихся событиях отвели МВФ. Совет директоров, руководители и сотрудники фонда вынуждены были с ней согласиться вопреки своей воле.

Основатели МВФ (фонд был учрежден в 1947 году в Бреттон-Вудсе) видели его предназначение в том, чтобы помогать странам-членам устранять макроэкономические диспропорции, вызываемые различными внутренними и внешними факторами, в том числе путем совместной разработки программ необходимых преобразований сроком на 1 – 3 года. На осуществление этих программ странам на рыночных условиях выделялось относительно кратко-

¹¹ См. ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности: http://www.photius.com/rankings/economy/gdp_purchasing_power_parity_2008_0.html

¹² Например, Эдвард Лукас, работавший московским корреспондентом журнала The Economist в 1997 – 2002 гг., и тогда, и позднее последовательно критиковал внутреннюю и внешнюю политику России на том основании, что она (в отличие от Китая) сама претендовала на соответствие европейским стандартам, по которым соответственно о ней и следовало судить.

срочное финансирование (займы фонда обычно подлежали возврату в течение 5 лет). Имелось в виду, что при успешном завершении программы в стране уже должна быть введена в действие и организационно обеспечена политика, позволяющая иметь в среднесрочной перспективе стабильный рост без инфляции (и соответственно возможность вернуть кредит МВФ без чрезмерной нагрузки на платежный баланс)¹³.

В случае с Россией речь шла о совсем ином. Бывший в те беспокойные годы директором-распорядителем фонда Мишель Камдессю недавно сказал следующее: «МВФ работал на краткосрочную перспективу и в микроэкономических вопросах не имел необходимого опыта. Поэтому по прошествии времени кажется очевидным, что решение поручить именно ему оказание помощи России в 1990-х годах или, во всяком случае, отвести ему „заглавную“ роль в этом деле, было неоправданным». Но это бремя забот не взял тогда на себя ни Всемирный банк, никто другой. Так что МВФ, как мы еще увидим, принялся за дело просто потому, что больше было некому.

Отношения между руководителями МВФ и России в 1990-е годы были нередко очень тесными. К управляющим и другим сотрудникам фонда постоянно обращались за консультациями по вопросам налоговой и монетарной политики. Но при этом МВФ иногда жаловался на то, что обращаются к нему слишком поздно и в некотором смысле ставят перед свершившимся фактом, как, например, в ноябре 1997 года, когда действие валютного коридора вдруг было продлено еще на три года.

С другой стороны, российские высокопоставленные чиновники нередко контактировали с МВФ, невзирая даже на то, что они при этом рисковали своим местом, а то и вовсе личной безопасностью. Тогда еще действовали унаследованные от СССР законы секретности, а эти люди не боялись обсуждать с сотрудниками фонда, скажем, параметры бюджета на следующий год, которые ни министр, ни тем более правительство и Дума еще в глаза не видели. И, при подобном тесном сотрудничестве, тем более примечательно, что никакого серьезного влияния на то, как осуществлялся переход российской экономики к рынку, МВФ не оказал. Я еще объясню по ходу книги, как возникло такое, на первый взгляд, противоречие, а пока лишь отмечу: решения, предлагаемые МВФ, могут быть эффективны только в той мере, в какой эффективно правительство, которое их исполняет.

¹³ Подробнее об операциях МВФ см. Приложение.

Запутанный клубок

Чтобы представить, насколько сильно был запутан клубок событий, можно, например, вспомнить ужин, на который вечером в субботу 15 августа собрались в Либерально-демократическом клубе Аркадия Мурашева на Большой Никитской улице два высокопоставленных российских чиновника, один англичанин и автор¹⁴. Уединившись за столиком в дальнем углу зала на первом этаже, участники встречи приступили к обсуждению вопросов, от которых вполне могло зависеть будущее страны. Ближе к полуночи, когда настало время расставаться, они сошлись во мнении, что никаких средств спасти ситуацию ни у кого больше нет и что остается только сообщить незадачливому премьер-министру печальный, но неизбежный вывод: России придется признать в своей неплатежеспособности и объявить дефолт!

Что же за вопросы могли обсуждать четыре человека за тем столиком, и почему от их разговора зависели судьбоносные решения? По мере того как мы будем распутывать клубок, станет ясно: на тот момент российское руководство уже было прижато к стенке, деваться ему было больше некуда, и последней его надеждой было услышать – именно во время упомянутого ужина – что какая-то помощь извне все-таки еще возможна. Не удивительно, что оба россиянина в тот вечер к еде почти не притрагивались. Они знали: если уйдут отсюда с пустыми руками – наступит финансовый и следом за ним экономический крах, в одночасье будет утрачено все достигнутое за время правления Ельцина, и страна покатится в пропасть. А сидевшие с ними за столом два иностранца, в свою очередь, знали, что никакого спасительного чуда уже больше не будет и что думать теперь надо только о том, как справиться с неизбежным развалом, как свести к минимуму панику среди населения, чтобы избежать непредсказуемых последствий и для России, и для всего остального мира.

¹⁴ Аркадий Мурашев с первых лет был соратником Гайдара, одним из самых активных в «партии» либералов. Его клуб был естественным местом для той беседы.

Прелюдия к кризису

Вернемся еще на одиннадцать месяцев назад и перенесемся теперь уже в Гонконг. Тогда и в самой России, и за ее пределами никто не сомневался, что решающий поворот на пути к будущему процветанию страна уже совершила. Никто и представить не мог, что скоро она стремительно покатится в тартарары.

Итак, Гонконг, 23 сентября 1997 года. Международный валютный фонд проводит свое ежегодное собрание управляющих. Поскольку в Гонконге незадолго до этого восстановлено правление Китая, демонстрантов на улицах нет, и ничьи протесты не нарушают в целом благостное настроение участников¹⁵. С последствиями случившегося в Мексике в 1995 году финансового кризиса уже справились; кое-какие проблемы имеются в Таиланде и соседних странах, но они скорее местного значения; в целом глобальная экономика продолжает стабильно развиваться¹⁶. Перспективы развивающихся рынков признаны позитивными, и даже будущее более бедных развивающихся стран выглядит вполне обнадеживающим.

В городе нещадно, не по сезону палит солнце, и воздух становится слишком влажным. Но в кондиционированном помещении участники чувствуют себя вполне комфортно и демонстрируют общий оптимизм. Российская делегация любуется видом на Гонконгскую гавань и не скрывает своего прекрасного настроения, а Анатолий Чубайс и просто переполнен чувствами. Его окружают давние соратники, единомышленники и давнишние члены клуба «перестройка», который он создал еще во времена горбачевских перемен в Санкт-Петербурге. А вслед за клубом, но уже в Москве, действуя заодно с Егором Гайдаром (тогда еще редактором журнала «Коммунист»), он вопреки всему упорно верил, что советский режим все-таки удастся свалить. В те еще грозные годы такой союз Гайдара и Чубайса был отнюдь не безопасным: советский монстр умирать пока не собирался и по-прежнему мог в любой момент обрушиться на всякого, кто вздумал бы его послушаться.

И вот десять лет спустя Чубайс здесь, в Гонконге – в качестве министра финансов Российской Федерации, во главе третьей по количеству членов, но явно самой счастливой из всех 182 делегаций стран – членов МВФ. А его новая, свободная Россия добилась успеха, который считают отныне событием десятилетия, а то и вообще века. Вокруг российских делегатов толпятся щедрые на похвалы банкиры, бизнесмены, международные чиновники и журналисты.

Поток лестных слов не иссякает, счастливая улыбка не сходит с лица Чубайса. Он лучше, чем кто бы то ни было, знает, какой ценой – и политической, и чисто по-человечески – дались эти достижения. И вот, похоже, настал день, когда он может вздохнуть свободно: его отчаянный риск себя полностью оправдал. Россия распрощалась со своим мрачным прошлым и сбросила большевистские оковы. «Империю зла» разрушили – или, точнее, она разрушилась сама. И, хотя буквально каждый день все еще полон борьбы с ее тяжелым наследием, проведенные экономические реформы, пусть и поспешные, и неуклюжие, все-таки уже необратимы. Россия наконец-то твердо встала на путь нормализации.

И действительно: 70% трудящихся в России заняты в частном секторе, рубль стабилен, копится валютный запас. Показатель инфляции вот-вот станет однозначным, экономика на подъеме, фондовый рынок стремительно растет. Борис Ельцин переизбран на второй срок, от случившегося в январе двустороннего воспаления легких он полностью оправился, снова

¹⁵ Международный валютный фонд обычно проводит годовое собрание в Вашингтоне, но по традиции каждые три года выбирает для этого другое место. Возвращение Гонконга под юрисдикцию Китая сделало его очевидным кандидатом на проведение собрания, точно так же как демократические перемены в Испании способствовали выбору Мадрида (1994 г.), а перемены в Восточной Европе – выбору Праги (2000 г.). В 2003 г. Собрание прошло в Дубае, в 2006 г. – в Сингапуре, а в 2009 г. запланировано в Стамбуле.

¹⁶ IMF World Economic Outlook, октябрь 1997 г.

взял бразды правления в свои руки и к тому же вступил в самый эксклюзивный клуб на свете: «Большая семерка» отвела ему место за своим столом переговоров по главным политическим вопросам и стала отныне «Большой восьмеркой».

Чубайсу есть чем гордиться. В 1992 году Ельцин приостановил радикальные реформы Егора Гайдара, заменил его на посту премьер-министра Виктором Черномырдиным, в марте 1997-го, устав ждать результатов, едва не выгнал следом и его и ввел наконец в правительство команду смелых реформаторов, отдав именно Чубайсу не только портфель министра финансов, но и должность первого заместителя премьер-министра (в том же ранге в правительство был назначен Борис Немцов, энергичный нижегородский губернатор-реформатор). Этих людей главный генератор экономических идей и заместитель министра финансов в администрации Клинтона Лоуренс Саммерс назвал – «командой мечты».

Как бы в подтверждение оценки Саммерса накануне описываемого события в Гонконге прошла торжественная церемония, на которой Чубайсу вручили премию престижного финансового журнала *Euromoney* в связи с избранием его лучшим министром финансов года. Выступая перед собравшимися по этому случаю банкирами и финансистами, Чубайс поделился своей гордостью в связи с международным признанием российских реформ. Он сказал, что давались они нелегко, потому что народу из-за них «приходится очень тяжело», но подчеркнул, что без них было бы куда хуже. Наконец, он с похвалой отозвался о «блестящей» команде экономистов, которым предстояло отныне вести страну к лучшей жизни и которым Борис Ельцин полностью доверял, а они, в свою очередь, поддерживали его как президента.

Дальнейшее реформирование российской экономики требовало энергии и политической воли, и у новой правительственной команды они были. Тогда в Гонконге, на встрече в Центре конвенций с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю Чубайс даже предсказал, что через полтора года, по истечении действия имевшихся договоренностей, Россию и МВФ ожидает «полюбовный развод».

Делая этот смелый прогноз, Чубайс рассчитывал на успех еще не состоявшихся реформ и приватизации бывшей советской экономической машины. А ведь для реальной либерализации экономики его правительству предстояло ликвидировать газовую, электроэнергетическую и железнодорожную монополии, реформировать налоговую систему, установить контроль за исполнением бюджета министерством финансов (которое тогда напоминало настоящий «черный ящик») и выстроить надзор за банковским сектором. Но Чубайс считал, что общество в целом реформы поддержит, а в результате экономика станет более открытой и прозрачной, преступность резко снизится, суды обретут, как и в других странах, независимость и Россия станет наконец правовым государством, которое ставит права и интересы своих граждан превыше всего. Вряд ли он или кто-нибудь другой мог тогда представить, как мало на самом деле ему отведено времени и что свои реформы он только-только успеет начать, а пожинать их плоды ему будет не суждено вовсе...

О «разводе» Чубайс, конечно, обмолвился походя, но Камдессю его замечание все равно не понравилось, и даже присутствовавшие на встрече это заметили. Причем Камдессю настоятельно вовсе не потому, что хотел видеть Россию вечным заемщиком МВФ (к тому же, совсем незадолго до этого, когда российская экономика еще дышала на ладан, фонд и его директор-распорядитель все-таки помогали ее спасать, а не сажать страну в долговую яму)¹⁷. Камдессю беспокоило другое. Он уже десять лет был директором-распорядителем МВФ, а до того руководил французским центральным банком и казначейством, и благодаря такому богатому опыту выработал какое-то «шестое чувство», особое чутье на ситуации, в которых страны,

¹⁷ Типичным примером наблюдателя, убежденного в порочности и эгоистичности роли МВФ в России, была Энн Уильямсон из *Wall Street Journal*, изложившая свою точку зрения в показаниях во время слушаний 21 сентября 1999 г. в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей Конгресса США.

испытывая судьбу, рискуют зайти слишком далеко. Так что он, скорее, почувствовал, что в России на возможности рынка стали полагаться излишне смело и что представления самих россиян грешат чрезмерным оптимизмом. А Камдессю по опыту знал, что бывает, когда казавшаяся нерушимой экономика рушится под неожиданными ударами кризиса. События начала 1995 года в Мексике были еще свежи у него в памяти.

То гонконгское совещание МВФ проходило в самом центре Восточной и Юго-Восточной Азии – региона, в котором, казалось, искусство делать страны богатыми довели до совершенства. И даже еще в сентябре того рокового года среди участников преобладали беспечные настроения и некоторое самодовольство. А ведь вся система капиталистического обогащения должна была вот-вот обрушиться прямо у них под ногами. Уже два месяца прошло, как Таиланд был вынужден провести девальвацию. Уже обозначились серьезные трудности в Корее. Но многие по-прежнему воспринимали все это как проблемы местного характера. Камдессю же инстинкт подсказывал, что подобная беспечность опасна, и точно так же он реагировал и на Чубайса, который вдруг утратил осторожность, поддался общей эйфории и даже потом повторил свою мысль в публичном выступлении.

Меньше чем через год кризис из Азии перекинулся на Россию, цены на энергоносители рухнули, а следом и надежды Чубайса, и сам Чубайс, и рубль, и уже заодно с ними престиж МВФ. Соратник и первый заместитель Камдессю, блестящий Стэнли Фишер признавал, что этот провал российской экономической программы стал событием просто поразительным. Под неожиданными ударами извне обнажилась глубокая уязвимость страны, лишенной дееспособной политической структуры и жесткой налоговой системы, и к тому же обремененной долгами, значительную часть которых держали нерезиденты. Но даже и в этих условиях кризиса можно было избежать. Однако всякий раз, когда России предоставлялась возможность отступить на шаг от края пропасти и сделать выбор в правильном направлении, внутренние политические распри снова и снова путали все карты.

Русская загадка

Что же все-таки привело Россию к кризису? Может ли такое повториться опять? Какую роль сыграли МВФ и стоявшие за ним западные правительства? На ком, в конечном итоге, вина за случившееся?

Чем больше пытаешься найти ответы на эти вопросы, тем больше возникает новых. Почему, например, Россия так и не провалилась в пресловутую «черную дыру»? Столько стран в аналогичной ситуации падали в пропасть, а Россия каким-то непонятным образом сумела отойти от края – как это объяснить? И почему практически все, в том числе большинство западных экспертов и сам МВФ, в корне неверно предсказали, что будет с Россией после кризиса?

В первую очередь все тогда ожидали краха валюты и развала национальной экономики, гиперинфляции и глубокой депрессии, вслед за которыми вполне могло лопнуть и знаменитое долготерпение российского народа. И это в стране с уязвленной национальной гордостью, нарушенными цепочками управления и ядерными арсеналами. Хуже сценарий вряд ли придумаешь.

Тревогу начали бить и в России, и за ее пределами. А катастрофы – так и не случилось. Несмотря на то, что никаких экстренных займов стране не предоставили, а иностранные инвесторы вообще дружно отвернулись от России, словно она в одночасье стала парией. И внутри страны, и за рубежом критики дружно набросились на правительство Ельцина и на Чубайса, обвинив их в том, что они – то ли невольно, то ли вполне сознательно – втянули всех в финансовую яму и нарушили все свои обещания относительно экономических реформ. В правительстве царил полная неразбериха, Кремль в основном отмалчивался, банковская система (во всяком случае, то, что тогда ею считалось) развалилась, а налоговые поступления опустились ниже всех вообразимых пределов. Все ждали серьезных политических последствий. МВФ, казалось, бросил Россию на произвол судьбы.

А катастрофы – не случилось.

Но самое удивительное даже не это. Всего через несколько месяцев, вопреки всем мыслимым пророчествам, российская экономика вдруг снова пошла в рост. В 1999 году реальный ВВП вырос на 6,3%, в 2000 году и вовсе совершил рывок в 10%. В 2001 году, когда во всем мире началось замедление темпов роста, в России они составили 5,1%. А в 2002-м – 4,7%, и это был один из самых высоких показателей среди крупнейших экономик мира, лишь немногим хуже, чем тогдашний рост в Китае. Еще до того, как Владимир Путин стал сначала премьер-министром, а потом президентом, ситуация стала улучшаться, причем не только в Москве и других крупных городах, но и далеко за их пределами. А начиная с 2000 года реальный ВВП в среднем рос на 7% в год.

Запад, тем не менее, по-прежнему обращался с Россией снисходительно, а то и просто высокомерно, по любым поводам – будь то война в Чечне, или ограничения для СМИ, или непонятные мифы о российской мафии, или даже сама экономика. В 1999 году один за другим отгремели скандалы по поводу отношений между Россией и МВФ, что только усугубило напряженность и взаимную подозрительность в их отношениях.

К началу 2000 года, после вала критических выступлений в СМИ и постоянного политического давления со стороны правительств стран – членов МВФ, фонд и вовсе прекратил работу с Россией. Всемирный банк продолжал выказывать добрые намерения – его тогдашний президент Джеймс Вулфенсон совершал частые визиты в Москву – но никаких существенных последствий на рабочем уровне они не имели. Когда в начале 2001 года на пост президента в США вступил Джордж Буш, Россию все еще считали страной, которой можно пренебречь.

Последствия финансового краха 1998 года оказались настолько сильны, что опять реально воспринимать Россию в остальном мире начали только три года спустя, да и то, возможно, лишь благодаря ее незамедлительной реакции на трагедию, случившуюся в США 11 сентября 2001 года. Отношение к России стало тогда более взвешенным, но вскоре испортилось из-за возникших новых споров и конфликтов, о которых у нас еще пойдет речь.

В некотором смысле начальный этап становления современной постсоветской России завершился весной 2007 года. 27 апреля в Москве был похоронен Борис Ельцин. Отныне его прах покоится на Новодевичьем кладбище, рядом с могилами многих выдающихся деятелей культуры, например Бориса Пастернака, и в этом, как представляется, есть свой особый смысл. После долгой череды царей и комиссаров своего первого независимого президента Россия похоронила не у Кремлевской стены и не в монаршей усыпальнице, а как обычного, хотя и выдающегося гражданина.

В апреле 2007-го вместе с Ельциным окончательно ушел в историю тот этап развития России, когда она сделала свои самые первые шаги на пути обратно в «реальный» мир. Ельцин навсегда останется фигурой колоссального значения. И не потому, что при нем жилось счастливо; из времени его правления народ запомнит, скорее всего, тогдашнюю крайнюю неуверенность в завтрашнем дне, ощущение униженности и тяготы жизни. Да и решения его подчас не отличались особой мудростью и последовательностью. Но его вклад в историю ценен тем, что он не побоялся на практике развенчать коммунизм и затем дать расцвести политическому плюрализму, что не спасовал перед грозившим в такой ситуации хаосом.

Но эта книга все-таки не о нем, и потому добавлю только, что Ельцин был бы бессилен, если бы до него не пошел первым на приступ советского тоталитаризма бывший генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР Михаил Горбачев. Мы же должны, пожалуй, быть благодарны Ельцину за то, что он оказался нужным человеком в нужное время, или уж по крайней мере за то, что не дал никому менее благонамеренному, чем он сам, повернуть страну в иное русло. Многочисленные критики его правления могут легко возразить: а как быть с его ответственностью за неразбериху в стране, за унижение, пережитое россиянами в течение его «потерянного» десятилетия?¹⁸ Но я еще покажу на конкретных примерах: маловероятно, чтобы в тех исторических условиях какой-то более разумный деятель сумел бы справиться намного лучше.

И наконец, мы должны быть благодарны судьбе за то, что Ельцин прожил так долго, а не умер в бытность президентом, когда всем казалось, что это должно случиться со дня на день (особенно во время его предвыборной кампании 1996 года и второго срока). Невозможно представить, в каком мире мы бы сегодня жили, случись это тогда.

¹⁸ Ельцина критиковали политики самых разных воззрений – националисты, считавшие его марионеткой американцев, коммунисты, обвинявшие его в развале СССР, военные, не принимавшие реформы, реформаторы, считавшие, что он предал их дело, значительная часть западной общественности, упрекавшая его за первую чеченскую войну, и т.д. См., например: Rutland Peter. Yeltsin: The Problem, Not the Solution // National Interest. Autumn, 1997.

Глава 3

Возвращение постсоветской России

В современный мир

Сегодня трудно себе представить, насколько в советские времена экономика Советского Союза, и особенно РСФСР, была изолирована от экономики глобальной. Например, Великая депрессия, охватившая в свое время весь западный мир, на России никак не отразилась. А после Второй мировой войны Россия вообще поставила себя вне зависимости от любых событий на западных рынках, выстроив вокруг систему стран-сателлитов, установив тотальный контроль государства над торговлей и конвертацией рубля и введя централизованное государственное планирование¹⁹. Воцарилась своя, альтернативная западной, экономическая реальность, в которой единственными потрясениями были эпизодически случавшиеся экономические «преступления» и поимка спекулянтов.

Тем не менее, мы на Западе почему-то решили, что после развала Советского Союза рыночную экономику в России можно будет восстановить очень быстро.

¹⁹ В последние годы советской власти экономика страны, как известно, во все большей степени зависела от экспорта нефти и валютных займов.

Стартовые условия

На практике преобразование российской экономики далось с большим трудом и вызвало много непредвиденных потрясений. Причин этому много, и самых разных. Многие считают, что Россия либо должна была последовать образцам трансформации, использовавшимся в Восточной Европе, либо – в крайнем варианте – она обречена застрять в тупике под грузом тяжелого исторического наследия²⁰. Бесспорным представляется, по крайней мере, то, что вопреки здравому смыслу от новой России вполне серьезно ожидали чуть ли не всего и сразу. Ведь именно поэтому многие с таким пристрастием пытаются доказать, что причина всего лишь в непоследовательности российских реформаторов и что при «правильном» подходе к реформам Россия в сжатые сроки добилась бы таких же успехов, как и «образцово-показательные» Польша, Венгрия и бывшая Чехословакия.

Если же все-таки попытаться вычленить какой-то один ключевой фактор (хотя бы и такой, который стал очевиден только по прошествии времени), то я считаю таким фактором то обстоятельство, что сразу после развала Союза Россия осталась в буквальном смысле слова без государственного аппарата. Именно поэтому она, ко всеобщему разочарованию, не сумела в 1990-х гг. реализовать свой «потенциал». (Я еще попытаюсь в этой книге показать, что «потенциал» России был к тому же намного скромнее, чем принято думать.) Как только КПСС была лишена своей предельно централизованной власти, в стране не осталось никакого дееспособного механизма для принятия решений, возникла реальная угроза полного безвластия. Соответственно, не получив в руки никаких реальных рычагов управления, новые руководители были просто не в состоянии проводить хоть сколько-нибудь последовательную экономическую политику.

Я убежден, что именно конкретные условия, сложившиеся вслед за развалом СССР и временным запретом КПСС, больше, чем любые другие, определили дальнейшее развитие ситуации в стране и что, не поняв этого, не понять и постсоветскую Россию в целом. Но большинство наблюдателей на Западе этому фактору не придавали особого значения. Впрочем, это понятно: к тому времени мы давно привыкли считать, что в Стране Советов все находится под безусловным и неотвратимым контролем, и потому представить себе, что там больше нет никакого контроля, нам было действительно трудно. В результате западные политические лидеры, СМИ и МВФ не просто не придали этому фактору значения, а вообще не поняли, что произошло в России, и потому явно переоценили ее возможности. Политические структуры, которые россияне создали взамен старых, показались тогда со стороны вполне нормальными, и только развитие событий в 1990-е годы, и в частности неспособность новой власти проводить необходимые реформы, показали, насколько эти новые структуры были по сути своей мало пригодны.

Особенности переходного периода в России после развала Советского Союза, как пишет профессор Стэнфордского университета Майкл Макфол в предисловии к английскому изданию книги Егора Гайдара «Дни поражений и побед», были результатом того исторического факта, что Россия в конце декабря 1991 года «не была суверенным государством, поскольку не имела суверенных границ, суверенной валюты, суверенной армии, ее государственные институты были слабы, а их функции не очерчены». Эту мысль Макфола об условиях, в которых начинался в России переходный период, стоит процитировать более подробно.

²⁰ Уриэль Прокачиа (2007), например, ставит неудачу рыночных реформ в постсоветской России в прямую зависимость от религиозных, литературных, философских, фольклорных и музыкальных различий между Россией и Западом. Он пишет: «До тех пор, пока Россия сохраняет свою стародавнюю приверженность ценностям, олицетворяемым православной иконой, до рыночной экономики, приватизации и многих других типичных для Запада проявлений человеческого духа в стране будет еще очень далеко».

«...То, что оставила советская эпоха в наследство, заставляло начинать даже не с чистого листа. Все было еще хуже. Российское руководство должно было иметь дело с проблемами империи, с необходимостью провести экономическую реформу, с нуждой в политических переменах, а многие практики и институты советской системы в это время продолжали действовать. Экономическая жизнь, основанная не на рынке, а на административной власти, гигантский ВПК, всепроникающая коррупция государственных институтов и огромная теневая экономика, отсутствие правовой системы и слабая трудовая дисциплина – это только часть того наследства, которое мешало проведению рыночной реформы. Тени прошлого и в дальнейшем нависали над постсоветской Россией, потому что российские революционеры в конце концов воздержались от насилия при достижении своих целей в трансформации политики, экономики и государства. Это стратегическое решение сохранило многие советские институты и организации, созданные и вскормленные этими институтами... Советский режим в целом рухнул, но элементы, его составлявшие, оставались на месте.

Российские реформаторы должны были также учитывать баланс между политическими группами, поддерживавшими реформу и находившимися в оппозиции к ней. В отличие от восточноевропейских стран, в России 1991 года не было консенсуса относительно необходимости проведения рыночной реформы и демократизации. Напротив, российские элиты были поляризованы».

Гайдар, в свою очередь, пишет: «Правительство пассивно наблюдает за финансовой разрухой, совершенно не отдавая себе отчета в том, что происходящее чревато бурными социальными катаклизмами, крушением режима. Так было во Франции накануне Великой революции, в России – перед 1917 годом, в Китае – накануне краха Гоминьдана».

Вторая русская революция

Трудности, возникшие в процессе проводившихся при Ельцине реформ, принято объяснять ошибками реформаторов. Но существует и другая точка зрения, согласно которой в России в конце XX века случилась вторая, и на сей раз относительно бескровная, революция. Этот взгляд развили в своей вышедшей в 2001 году книге Владимир Мау и Ирина Стародубровская, и они же убедительно раскрыли характер и экономические особенности этой революции. С их точки зрения, трудности и непоследовательность реформ естественны и неизбежны из-за того, что во время революции государство слабо, и иначе быть не может: общество раздроблено, меняются права собственности, интересы различных социальных групп эволюционируют. Это, на мой взгляд, убедительный довод в пользу того, что проблемы, с которыми Россия столкнулась в переходный период, были по большей части неизбежны.

В свою очередь Андерс Аслунд, тоже проанализировавший ситуацию в России с этой точки зрения, писал, что «во время революции старые институты перестают функционировать. В этот недолгий критический момент у политических лидеров свобода действий гораздо больше, чем в обычные времена. Но зато рычаги управления у них в распоряжении только самые примитивные»²¹.

Если бы этот революционный характер падения коммунизма был уже тогда по достоинству оценен западными наблюдателями, то, возможно, все последовавшие кризисы и крутые повороты в российской постсоветской политике не ошеломили бы нас так сильно. Но всех нас тогда словно одолела коллективная близорукость. Не разглядев революцию, мы ошибочно полагали, что никаких чрезвычайных мер для грядущей российской реформы не потребуется, что справиться с ситуацией можно будет обычными средствами за несколько недолгих лет.

Вообще, в 1990-х на Западе бытовало мнение, что Россия находилась – или должна была бы находиться – в процессе «перехода к демократии и рыночному обществу». При этом «переход», в толковании специалистов по России, подразумевал заранее известный результат и одновременно относительно гладкий путь из советского прошлого в либерально-рыночное будущее. Это толкование им казалось вполне обоснованным ввиду уже имевшегося положительного опыта в других странах в Центральной и Восточной Европе. Таким образом, их представление о том, что происходило в России в тот момент, было, скажем так, весьма и весьма романтичным. Это важно понимать, потому что именно из-за таких глубоких заблуждений, на которые к тому же накладываются сохранившиеся со времен «холодной войны» стереотипы, западные наблюдатели сегодня пеняют Путину, обвиняя его в сворачивании демократии.

Были, правда, и такие наблюдатели, которые не разделяли общую точку зрения. Например, Майкл МакФол не раз подчеркивал революционный характер посткоммунистической трансформации России²². Томас Грэм (нынешний руководитель российского отдела Национального совета безопасности) посвятил целую монографию причинам заката советской системы и опасностям вакуума власти в 1990-е гг. Он, в частности, писал, что рассказ о том, как Россия двигалась к пропасти, это история о засилии «политической близорукости, беспринципной политической борьбы, слабого здоровья, алчности и невезения»²³.

²¹ Aslund, 2007.

²² McFaul, 2001. Были и другие исключения: Мау и Стародубровская, 2001; Daniels, 2000; Shleifer, Treisman, 2000.

²³ Graham, 2002.

Не революция, а заговор?

Когда неэкономисты анализируют события прошлого, это вполне естественно. Но когда даже лучшие из историков или политологов берутся рассуждать о сложных экономических вопросах, с точки зрения экономиста это подчас выглядит возмутительно плохо²⁴. Именно так, из добрых побуждений, но с очень ограниченным пониманием реалий, написал о событиях в России, например, Стивен Коэн. С его точки зрения, Ельцин и его соратники воспользовались попустительством США и ради собственных корыстных интересов загубили становление демократии и процветания в стране. Коэн пишет: «С начала 1990-х годов и некоммунисты, и коммунисты выдвигали самые разные программы демократизации и перехода к рынку. Некоторые из этих программ были ничуть не менее радикальны, чем ельцинская, могли, судя по всему, оказаться более эффективными и уж точно не причинили бы столько страданий народу. Но ученые и журналисты их тем не менее с завидным постоянством отметили и даже откровенно порочили»²⁵.

Как и некоторые другие сильно политизированные авторы, Коэн считает, что реальные альтернативы существовали и даже были весьма очевидны. То, что их не попытались осуществить на практике, он списывает исключительно на личные амбиции или алчность Ельцина и его ближайшего окружения. Подумать о том, что, возможно, большая часть предполагаемых альтернатив просто отсутствовала и что многие идеи были откровенно утопичны (например, о принятии некоего «плана Маршалла» для России или о том, что демократическое движение само сформирует свои, новые госструктуры, спонтанно и в одночасье), – Коэн не желает.

Другие, как, например, Лилия Шевцова, просто сетовали по более чем очевидным поводам: мол, худшая ошибка Ельцина «была в том, что он не создал сильных политических институтов и не ввел стабильных правил игры»²⁶. Питер Реддэй и Дмитрий Глинский выбрали, возможно, несколько покровительственный тон: «Ельцинский режим настойчиво пытался взять бразды правления в свои руки, но при этом оставлял без внимания вопрос легитимности власти. Из-за этого страна попала в своего рода порочный круг: власть приобретала все более авторитарный и централизованный характер, но при этом способность реально управлять правительство постепенно утрачивало»²⁷. И так далее. Во всех этих наблюдениях есть, конечно, своя доля истины, но в целом их авторы либо сильно преуменьшают, либо вообще отрицают значение того, что, несмотря на наличие всей необходимой внешней атрибутики, госаппарат Ельцину достался крайне слабый, а механизмы для принятия эффективных решений у него практически отсутствовали.

Опубликовал недавно новый полемический очерк и Эдвард Лукас («Новая холодная война: почему Кремль представляет угрозу и для России, и для Запада»). Признавая, что Россия добилась огромного экономического прогресса, Лукас в то же время неоднократно, хотя и не очень убедительно предупреждает, что она вместе с этим провоцирует новую холодную войну: «...мы имеем дело с людьми, чья цель – причинить нам вред, ущемить и ослабить нас. При этом главное их оружие – деньги – одновременно и наше самое слабое место. Поэтому сегодня нам надо опасаться уже не огневой мощи советской военной машины, а хранящихся в их сейфах десятков миллиардов долларов». По мнению Лукаса, Россия теперь энергично и

²⁴ В этом отношении, хоть и не будучи экономистом, весьма проницательное замечание сделал Струоб Талбот. Выступая 6 ноября 1998 г. в Стэнфордском университете, он сказал о только что пришедшем тогда к власти правительстве Примакова: власти «собираются пойти наперекор некоторым правилам экономики, хотя правила эти отнюдь не столько “западные”, сколько попросту определяемые обычной арифметикой».

²⁵ Cohen, 2000.

²⁶ Shevtsova, 1998.

²⁷ Reddaway, Glinski, 2001.

напористо использует свои огромные природные богатства и финансовые резервы, чтобы укрепить свое влияние, и этому ее агрессивному напору никто, кроме США и Великобритании, даже не пытается сопротивляться. Этот аргумент весьма далек от реальности. Но тем, кто все еще живет старыми представлениями о мире, он, конечно, придется по вкусу.

Мнение гораздо более правдоподобное, нежели отмеченные чувством собственного превосходства и сильно политизированные взгляды Лукаса, предложил Стивен Коткин: «Россия при Ельцине либеральной демократией не являлась, но и при Путине она к тоталитаризму не возвращалась»²⁸. Коткин далее отмечает: «О России сложилось очень неверное представление, основанное на двух прямо противоположных друг другу мифах. Первый, западный миф заключается в следующем. Хотя при Ельцине в стране воцарились хаос и всеобщее обнищание, на Западе тем не менее сочли, что в России появилась в первом приближении демократия, а ныне Путин якобы ее зарубил на корню. Вообще-то, с такой легкостью можно поручить только картонный домик, а никак не всерьез построенное здание. И тем не менее в эту небылицу об утраченной российской демократии дружно верят осиротевшие без старого врага ветераны холодной войны и более молодое поколение русоведов, из коих многие сами вдохновенно поучаствовали в строительстве той иллюзорной демократии в России, а теперь во всем разочаровались (и стали преподавателями).

Второй миф бытует в России. Там верят, что единственной некоррупцированной, патристичной и способной навести порядок организацией, унаследованной от советских времен, был КГБ, и потому считают, что экономическую либерализацию обеспечили путинские соратники из спецслужб, хотя на самом деле либеральные реформы пробивали те в его окружении, кто к КГБ никогда отношения не имел».

Дэвид Хэнсон (Университет штата Индиана) отметил еще один важный момент, который отличает российскую посткоммунистическую революцию от всех остальных и одновременно затрудняет правильную оценку ее собственного революционного начала. Эта российская революция впервые в истории была сознательно нацелена на режим, уже и так официально признанный «революционным». Ведь Советский Союз свои цели и задачи заявлял именно как революционные. Даже Горбачев упорно настаивал, что его перестройка продолжала и развивала «ленинские» революционные традиции и возрождала идеалы большевиков образца 1917 года. В результате, когда действительно революционные силы начали при Горбачеве расшатывать советскую систему, назвать их открыто «революционными» было бы странно. Эта и многие другие двусмысленности случившейся «антиреволюционной революции» до сих пор сильно усложняют России жизнь.

²⁸ Kotkin, 2008.

На выходе из экономического коллапса

То, что к власти его привела самая настоящая революция, сам Ельцин, возможно, до конца и не понимал. Но зато он полностью отдавал себе отчет в том, что для установления в России демократии и капитализма потребуются преобразования практически во всех областях общественной жизни, и преобразования именно революционные. Осуществлять их было, по меньшей мере, крайне рискованно. Контроль над основными госучреждениями в центре и на местах оставался в руках бывших партийных аппаратчиков. Находившаяся на грани банкротства экономика почти целиком базировалась на убыточных военных предприятиях и колхозах. В армии после плохо подготовленного и финансово не обеспеченного вывода войск из ГДР и других стран Варшавского договора преобладали упаднические настроения и общее недовольство, и доверять ее командованию было, скорее всего, нельзя. В результате многочисленных и не доведенных до конца реформ, начатых после прихода Горбачева к власти в 1985 году, а также в результате постепенно нараставшего властного вакуума повсеместно начались незаконные захваты собственности, разворовывание активов, возникали финансовые пирамиды и челночная торговля. Налицо были все признаки того, что государство теряет контроль над страной и что центробежные силы набирают обороты.

При этом для формирования базы действительно демократического режима только на политическом уровне требовалось: разработать и принять новую конституцию, создать новые правительственные институты, провести новые президентские и парламентские выборы, полностью и во всех деталях пересмотреть законы, регулирующие отношения между центром и национальными республиками и регионами.

Шутить по этому поводу вряд ли уместно, но думаю, что для достижения такой цели проще было обзавестись другой страной с другой историей или, во всяком случае, иным поколением людей и более подходящими отправными условиями.

Представляется, что в отсутствие дееспособного госаппарата и доступных финансовых ресурсов практически единственный реальный выход из положения был – создать рыночную экономику. А при отсутствии должного финансового обеспечения сделать это было лучше всего путем хорошо скоординированной шоковой терапии: одновременно отпустить цены, превратить рубль в валюту с рыночным курсом, прекратить все прямые и скрытые государственные субсидии, раздробить и приватизировать все госпредприятия. Однако ни о какой подобной шоковой терапии даже и мечтать не приходилось.

Ельцин на каждом шагу был вынужден учитывать самые разные интересы влиятельных группировок: кем-то руководила алчность, кем-то – страх, а кем-то – просто инстинкт самосохранения. Иногда, вконец разозленный отсутствием реальной государственной власти и эффективных рычагов управления, он пытался предпринять хоть что-то наудачу²⁹. Но на шоковую терапию во всей полноте он так и не решился и пошел только на ее менее трудные для исполнения макроэкономические элементы. А от этого диспропорций в экономике стало только еще больше³⁰.

Яркой иллюстрацией накала политической борьбы в условиях коллапса власти стало случившаяся в октябре 1993 года развязка противостояния Ельцина и Верховного Совета. К тому времени напряженность в их отношениях уже превратилась в полную нетерпимость. Верховный Совет решил добиваться отстранения Ельцина от должности независимо ни от чего.

²⁹ Агон, 2000.

³⁰ Например, принятый в 1988 г. закон о кооперативах разрешил создание частных фирм и не обремененных нормативными требованиями банков, но цены при этом остались фиксированными. В результате директора госпредприятий, распоряжавшиеся товарами с фиксированными ценами, получили шанс в одночасье обогатиться.

Характерно, что предложить что-то взамен ельцинской политики ему было нечего, разве что богатый набор нереальных идей. Но дело было уже не в политических идеях, а в том, что у тогдашних вице-президента Александра Руцкого и председателя

Верховного Совета Руслана Хасбулатова осталась одна единственная цель: убрать Ельцина, и в этом деле были «все средства хороши». Ельцину же отступать было некуда. Он и так под их давлением уже отправил в отставку Егора Гайдара и назначил на пост премьер-министра Виктора Черномырдина.

Весной 1993 года Ельцин чуть было не распустил парламент, но в последний момент предпочел вместо этого провести референдум (знаменитый «Да-да-нет-да»). Это был верный ход: референдум Ельцин выиграл и тем самым подтвердил свои полномочия. Но летом отношения с Верховным Советом обострились еще сильнее. Обе стороны поливали друг друга грязью, гремели взаимные обвинения в коррупции. Казалось, что время начинает работать на противников Ельцина, которые шаг за шагом объединялись, независимо от своей партийной принадлежности, вокруг одной общей идеи, к тому же постепенно сближаясь с коммунистами.

21 сентября Ельцин наконец потребовал роспуска Верховного Совета. В тот момент это его решение могло показаться отнюдь не конституционным³¹. Но и сама действовавшая тогда старая советская конституция 1977 года тоже была крайне противоречива: сначала ее правила, чтобы дать Ельцину возможность управлять страной, а потом – чтобы его власть, наоборот, ограничить. Страна остро нуждалась в новой конституции, и если бы оппозиция в условиях царившего тогда экономического хаоса решилась выставить на референдум свой вариант против ельцинского, то, весьма вероятно, она могла бы победить. Но оппозиционеры уверовали, что ельцинский режим и так рухнет со дня на день, и потому предпочли запереться в Белом доме и просто ждать этого «неминуемого» события. Ожидание затягивалось, и тогда оппозиция решила поднять «народное восстание»³². Получилось оно крайне неприглядным и скорее напоминало погром, причем настолько, что, когда Ельцин в ответ применил силу, побежденным «повстанцам» мало кто сочувствовал.

Ничего особенно хорошего для страны штурм Верховного Совета не принес: Ельцин попал в сильную зависимость от военных и органов безопасности, так называемых силовиков. Но этот пример наглядно показал, насколько в постсоветской России с самого начала было сложно проводить в жизнь рациональную экономическую политику.

При крайней политической нестабильности разработка и тем более практическое воплощение экономической реформы отходили на второй план. Гораздо более острой проблемой в тот момент было отсутствие бюджетных средств, и развал государственных институтов только усугубил эту и без того очень острую проблему. Так что суровые исходные условия сложились отнюдь не из-за новой стабилизационной политики; своими корнями они уходили в коммунистическое прошлое. Поэтому и необходимость в «шоковой терапии» как элементе общей стабилизационной программы была предопределена политикой последнего коммунистического правительства³³. Новым российским лидерам предстояло фактически повторить опыт руководителей, например, послевоенных Германии и Японии, с той лишь разницей, что те унаследовали катастрофическую экономическую ситуацию после военного поражения в войне, а в России все случилось без кровопролития.

³¹ Помню, я, будучи еще в составе миссии МВФ, смотрел в тот вечер на Ельцина по телевизору и думал, что же будет дальше. На следующий день рано утром мы узнали, что Виктор Геращенко, тогдашний глава ЦБ, поддержал президента. Все мы вздохнули с облегчением.

³² Выступая с балкона Белого дома, Руцкой призывал настроенную против Ельцина толпу захватить телецентр в Останкино. Хасбулатов звал на штурм Кремля. На улицах появились первые убитые, и Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение.

³³ Падение цен на нефть в 1980-х гг. лишило Советский Союз жизненно необходимых валютных поступлений, причем именно в тот момент, когда одновременно росли потребности и военного сектора, и населения. Горбачеву не оставалось ничего другого, кроме как потратить все до последнего золотовалютные запасы и брать кредиты у западных правительств и банков.

В посткоммунистической стране существует четкая связь между продолжительностью периода высокой инфляции и глубиной бюджетного кризиса. Эту особенность отмечал, например, Егор Гайдар. Он указывал, что чем дольше инфляция сохраняется на высоком уровне, тем больше правительство и экономика впадают в зависимость от сопутствующего инфляционного налога, и что чем выше инфляционный налог, тем больше дегенерирует налоговая система. Из-за незавершенности макроэкономической стабилизации налоговые поступления начали сокращаться, последовал кризис в бюджетной сфере и возникла настоятельная потребность занимать средства на внутреннем рынке за счет выпуска казначейских облигаций, или ГКО. А это, в свою очередь, вызвало глубокий кризис в создаваемой заново госструктуре и в самом правительстве³⁴.

Моя бывшая коллега по МВФ Пирошка Надь написала содержательную книгу о распаде государственных институтов в России и особое внимание обратила в ней именно на экономические причины и последствия трудного становления новой независимой России³⁵. Она, конечно, в отличие от Егора Гайдара, Владимира Мау и ряда других авторов, гораздо большее значение придает тому, какие именно решения принимал Ельцин в начале реформы, но выводы при этом делает все равно очень похожие:

«Произвол и непредсказуемость в политике я считаю признаком слабости правительства. Потому что правительства начинают произвольно менять законы и нормы именно тогда, когда они не в состоянии разработать и внедрить последовательную политику, то есть когда они слабы. Слабость правительства проявляется и в том, что у него не хватает сил создать необходимые институты, в первую очередь для защиты прав собственности и соблюдения договорных условий, без которых не может нормально функционировать рынок. В таких условиях хозяйствующим субъектам приходится искать способы обойти все эти хаотичные и непредсказуемые требования закона и как-то приспособливаться к примитивным или плохо работающим институтам и корысти нищих чиновников. При таком положении дел неизбежно расцветает коррупция, которую к тому же подпитывает ускоренная приватизация госактивов и тот неизбежный факт, что в любой отдельно взятый момент проводимые реформы всегда в той или иной мере недостаточны. В таких условиях, и особенно когда правительство слабо, возможно быстрое распространение коррупции и корыстных сговоров внутри госаппарата».

Одно из самых обстоятельных рассуждений о роли экономического фактора в истории второй российской революции принадлежит, повторюсь, Владимиру Мау и Ирине Стародубровской³⁶. Они рассмотрели более широкий контекст бюджетного кризиса 1997 года и отметили, что «хотя корни его можно найти в середине 1980-х гг., особенно острым он стал в середине 1990-х гг.». С их точки зрения, это был типичный кризис, свойственный завершающим периодам революций. На этом этапе государство в некоторых областях снова начинает функционировать, и в России, в частности, был восстановлен монетарный контроль Центрального банка, удалось снизить инфляцию и стабилизировать рубль. Но на практике это вызвало противоположный эффект и только усугубило бюджетную проблему, поскольку увеличивать поступления в бюджет и одновременно снижать реальную стоимость его фиксированных номинальных затрат за счет инфляции стало уже невозможно.

По мнению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, известного критика МВФ, тогда был шанс применить и в России наработки китайских реформ и поставить во главу угла структурные и институциональные преобразования³⁷. Стиглиц особенно настойчиво критиковал «Вашингтонский консенсус», его безоглядную веру в волшебную силу макроэкономической

³⁴ Гайдар, 1996.

³⁵ Nagy, 2000.

³⁶ Мау, Стародубровская, 2001.

³⁷ Stiglitz, 1999.

стабилизации и пренебрежение остальными крайне важными микроэкономическими реформами. Он утверждал, что, навязывая России «шоковую терапию», МВФ и все остальные никак не учитывали уроки российской истории и культуры. Эти рассуждения Стиглица блистательно проанализировал Мау³⁸. Он показал, что они ошибочны, постольку поскольку реформаторы и все, кто, как и МВФ, пытались им помочь, не проводили некий социальный эксперимент, при котором они могли бы по своему усмотрению определять вводные, а вынуждены были начать с той стартовой позиции, какая досталась им исторически, и выбирать они могли только из тех немногих вариантов, какие были им доступны.

Чтобы правильно понимать, каким образом российское общество строит свои приоритеты, крайне важно уяснить исторический контекст. В 2005 году, обращаясь с ежегодным посланием к Федеральному собранию, Владимир Путин сказал, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой». Ностальгия по былой империи, скорее всего, шокирует западного комментатора, не знакомого с историческим контекстом, но внутри самой империи, особенно если ее распад не стал результатом поражения в какой-нибудь войне, ее крах в глазах большинства россиян неизбежно рвет все устоявшиеся связи, лишает общество привычных ориентиров и порождает неуверенность в завтрашнем дне.

О таком эффекте писал и Егор Гайдар. Он на исторических параллелях показал, что, когда общество таким образом дезориентировано, власть могут захватить всякого рода демагоги и реваншисты. Любой, кто пребывает в состоянии постимперской депрессии, легко поверит демагогическим рассуждениям о том, что бывшее величие державы уничтожено подлыми «ударами в спину» и что вернуть его можно и нужно, объединившись вокруг авторитарного лидера, который безжалостно покарает предателей среди своих и врагов среди чужих. Именно это случилось, например, в Германии с приходом нацистов к власти, и Гайдар предупреждает о такой опасности.

Крах социалистической системы, пишет Гайдар, «был предопределен базовыми характеристиками советской экономико-политической системы: сформированные в конце 1920-х – начале 1930-х годов институты были слишком ригидными, не позволяли стране адаптироваться к вызовам мирового развития конца XX в. Наследие социалистической индустриализации, аномальная оборонная нагрузка, тяжелый кризис сельского хозяйства, не конкурентоспособность обрабатывающих отраслей делали крушение режима неизбежным. В 1970 – начале 1980-х годов эти проблемы можно было регулировать за счет высоких нефтяных цен. Но это недостаточно надежный фундамент для того, чтобы сохранить последнюю империю».

Гайдар показывает, что ахиллесовой пятой советской системы было сельское хозяйство. Сталин его нещадно эксплуатировал в интересах промышленного развития, и какое-то время ему удавалось получать требуемые результаты. Но это свидетельствует лишь о том, что кривые предложения в долгосрочном плане гораздо более эластичны, чем в краткосрочном. В течение какого-то короткого срока крестьян действительно можно было заставлять отдавать за бесценок львиную долю их урожая. Но в долгосрочном плане, когда из села выжимают всю продукцию и одновременно забирают людей для нужд новой промышленности, лучшая, наиболее продуктивная часть сельской рабочей силы неизбежно в конце концов переберется из деревни в город. В результате как раз такого процесса советское сельское хозяйство постепенно теряло свою эффективность. Когда вдобавок началось покорение целины и прочие безумные мега-проекты, «житница планеты» и вовсе превратилась в ее голодный край. Советскому Союзу приходилось закупать за рубежом все больше и больше продовольствия. Не имея при этом для продажи конкурентоспособного оборудования и иных промышленных товаров, получить валюту для оплаты растущего импорта СССР мог только за счет экспорта нефти. Пока увели-

³⁸ Мау, 2000.

чивалась добыча на богатых новых месторождениях в Сибири, пока благодаря политике ОПЕК и снижению добычи в США росли мировые цены на нефть, СССР удавалось таким образом компенсировать все возрастающие потери в сельском хозяйстве. В какой-то момент ему даже хватило средств на то, чтобы запустить агрессивную военную и политическую кампанию. Но вскоре добыча нефти внутри страны стала снижаться (что можно объяснить неэффективностью советской системы управления), а мировые цены на нефть обрушились (из-за растущего объема производства в странах – не членах ОПЕК и в Саудовской Аравии, а также за счет более эффективного использования энергоносителей на Западе). Результатом стечения этих обстоятельств для СССР стал острый финансовый кризис.

Гайдар очертил результаты того кризиса и показал, насколько некомпетентным оказалось правительство (и партия) перед лицом этих проблем, в главе, в которой он обсуждает версию о договоренности правительств США и Саудовской Аравии о снижении мировых нефтяных цен: «Если эта версия развития событий точна, она многое говорит об интеллектуальном уровне советского руководства начала 1980-х годов. Чтобы поставить экономику и политику мировой сверхдержавы в зависимость от решений твоих потенциальных противников (США) и основного конкурента на нефтяном рынке (Саудовская Аравия) и ждать, пока они договорятся, надо долго рекрутировать в состав руководства страны особо некомпетентных людей».

И что дальше?

Гайдар отмечает: для тех, кто пережил падение империи изнутри, оно никогда не может представиться результатом какого-то логичного процесса. Путин и силовики иногда играли на этих чувствах людей и пытались возродить миф о том, что распад Союза и последовавший экономический и социальный хаос были вызваны не недостатками советской системы, а про-исками внешних врагов.

Не исключено, что, приняв развал Союза за революцию, мы со временем начнем рассматривать становление постсоветской России в период президентства Путина как классический «термидор». Я, конечно, не специалист в политической науке, но в моем представлении не только одни россияне, но и вообще все люди в современных государствах вполне готовы пожертвовать какой-то частью своей свободы ради экономической стабильности и безопасности. Очевидным примером такого компромисса может служить «Патриотический акт», принятый в США вслед за терактами 11 сентября 2001 года. А в России все шло так плохо и причиняло столько страданий, что какой-то более дисциплинированный режим и более эффективный контроль над развитием были просто необходимы. Тогда, во время и после развала Союза, людям действительно было неопишимо трудно жить – и морально, и физически. Поэтому не исключено, что для остального мира и к лучшему, что именно под руководством Путина, а не кого-то другого, Россия так или иначе вновь обрела уверенность в своих силах и даже в собственном сознании вписалась в глобальную картину. Все могло обернуться гораздо хуже.

О нынешних взглядах россиян весьма неординарно высказался английский журналист Анатолий Калетски³⁹. Он, в отличие от Лукаса, не берется рассуждать о перспективах XXI века в парадигмах мышления века XX, поэтому и наблюдения его гораздо более интересны. Калетски пишет: «Америка и Европа могут как угодно тепло отзываться о России на словах, но объективно они к ней относятся как к противнику и не упускают случая поставить ее на место. После пятнадцати лет такого отношения к русским стоит ли удивляться, что они, имея нефтяные богатства и почуяв силу, теперь начали отвечать тем же? Иными словами, холодную войну возобновила не Россия, а Америка и Европа».

О том, можно ли было избежать ошибок, допущенных в России в переходные 1990-е годы, окончательное суждение вынесут историки. Но уже сегодня в этой связи понятно, что речь идет об упущенных возможностях – хотя чаще всего реальных возможностей как раз и не было. И потому, может быть, стоит говорить не столько об ошибках, сколько о действиях по наитию в ситуации, чреватой опасным взрывом после любого неверного шага. Вряд ли такие условия годились для успешной радикальной перестройки государственных институтов, законодательства и ведения жесткой экономической политики, без которых невозможно было решить стоявшие тогда задачи. А ведь при всем этом хотелось еще и избавить население от чрезмерных тягот. Я подчеркиваю это не для того, чтобы кого-то и что-то оправдать, а чтобы обозначить веху, по которой следует ориентироваться при оценке неиспользованных альтернатив и при суждениях о «правых» и «виноватых».

³⁹ Kaletsky. 2007.

Глава 4

Первые шаги МВФ в России

Россия становится самостоятельной страной

При советской власти партнерство Международного валютного фонда и СССР казалось немыслимым, и так продолжалось вплоть до заключительного этапа правления Горбачева. СССР, правда, участвовал в учредительных мероприятиях фонда в 1944 году в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хемпшир, США) наравне со своими союзниками во Второй мировой войне, но от членства в фонде отказался. Со временем, приведя к власти в Чехословакии коммунистов, он и ее вынудил выйти из МВФ и потом последовательно выступал против политики и основных идей фонда⁴⁰ – советские руководители рассматривали фонд как инструмент западного капитализма и в первую очередь – внешней политики США. (Парадоксально то, что их взгляд на вещи сегодня практически безоговорочно переняли в лагере антиглобалистов.)

О том, как с развалом Союза начались и развивались отношения между Россией и МВФ, уже много и подробно писали другие авторы⁴¹. Я сосредоточусь на тех основных моментах, которые предшествовали чрезвычайным событиям 1997 – 2002 гг. и оказали в той или иной степени влияние на их развитие.

Когда в середине 1980-х годов мировые цены на нефть резко пошли на спад, любое сотрудничество с МВФ в СССР по-прежнему считалось абсолютно неприемлемым. Но в то же время росла потребность во внешних займах, без которых становилось невозможно поддерживать потребление внутри страны на прежнем уровне. Внутри советского госаппарата, в первую очередь в Министерстве внешних экономических связей, появились сторонники того, чтобы пересмотреть традиционно натянутые отношения с МВФ и Всемирным банком. Положительный опыт использования их финансовой помощи странами – членами СЭВ, в частности Венгрией, уже был, и сложилось мнение, что при соблюдении ряда условий это сотрудничество могло бы быть выгодным и для СССР⁴².

Как рассказал мне один из высокопоставленных российских собеседников, в 1988 году инициативная группа чиновников из МВЭС передала в ЦК КПСС технически обоснованное предложение добиться внесения вопроса об экономическом сотрудничестве с Советским Союзом в повестку дня предстоявшей в июле 1989 года в Париже встречи глав «Большой семерки». За неформальным одобрением из ЦК последовали осторожные международные контакты с целью выяснить, на каких условиях можно было бы начать сотрудничество, в том числе представители инициативной группы получили подробную консультацию у давнишнего члена Совета директоров фонда от Бельгии Жака де Грота⁴³. Но включить вопрос в повестку дня все-таки не успели, и Франсуа Миттеран лишь упомянул во время встречи о просьбе СССР рассмотреть этот вопрос подробнее. А через несколько недель пала Берлинская стена, и вниманием Запада всецело завладели осколки советской империи в Центральной Европе.

⁴⁰ Boughton, 2001.

⁴¹ IMF, 2003; Odling-Smee, 2004; Zadornov, Lopez-Carlos, 2002.

⁴² Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) стал продолжением советской системы централизованного планирования в области организации и распределения торговых обменов, инвестиций и финансовых средств между Советским Союзом и странами социалистического лагеря.

⁴³ Во главе МВФ стоит Совет директоров, состоящий из 24 человек, которые назначены соответствующими властями в этот орган. Совет работает на постоянной основе, управляя МВФ от имени акционеров в периоды между встречами Совета управляющих. В Совете директоров председательствует директор-распорядитель фонда, однако этот орган отделен от штата МВФ (подробнее см. Приложение).

Тем временем и без того тяжелое экономическое положение в СССР еще больше ухудшилось вследствие распада СЭВ и разрыва торговых и финансовых связей с бывшими советскими сателлитами. Получив приглашение на очередной саммит «Большой семерки» в июле 1990 года в Хьюстоне, Михаил Горбачев обратился к западным странам с беспрецедентной просьбой о помощи. В ответ на нее лидеры «Семерки» поручили МВФ, Всемирному банку, ОЭСР и только что созданному ЕБРР срочно подготовить при участии ЕС обзор имеющихся в СССР условий и перспектив. У каждой из этих международных организаций были свои собственные уставные правила, традиции и системы руководства, и политическое решение заставить их работать сообща, да еще к тому же в авральном режиме и на виду у общественного мнения, могло создать лишь бюрократическую неразбериху. В конце концов руководители «Большой семерки», чтобы избежать дальнейших задержек с принятием решения, официально назначили организатором исследования МВФ. В первую очередь сыграло свою роль то, что фонд был в состоянии гораздо быстрее и эффективнее, чем все остальные, перераспределить свои людские ресурсы и перенастроить системы управления. Кроме того, Мишель Камdessus сразу почувствовал историческое значение поставленной задачи и решительно взялся за дело. Впрочем, вклад остальных организаций со временем оказался важным в том, что касается микроэкономики и структурных реформ.

Опыт работы в странах с коммунистическим прошлым у МВФ имелся: Китай, Вьетнам и Польша к тому времени уже являлись его членами. Но как налаживать нормальные отношения с Советским Союзом, представить себе было все равно очень трудно. Дело было не только в позиции советских руководителей, но и в трудностях, с которыми реально сталкивались западные лидеры с точки зрения политики и идеологии. Тогда ни о каком членстве СССР еще не могло быть и речи, и потому требовалось выработать какой-то особый, приемлемый для всех, механизм взаимодействия. В результате в октябре 1991 года СССР предложили «специальный ассоциированный» статус при фонде. Это давало МВФ возможность начать стандартный мониторинг советской экономики⁴⁴.

Процедурная новация позволила МВФ решить поставленную перед ним сложнейшую институциональную задачу и очертить отправные параметры интеграции бывшего советского лагеря в международную систему торговли, платежей и инвестиций. Можно лишь сожалеть, что она так и осталась невостребованной: всего через два месяца, накануне Рождества 1991 года, Советский Союз распался, и в условиях воцарившегося хаоса пришлось фактически начать все сначала. МВФ, правда, успел накануне этих событий направить свои миссии во все бывшие советские республики и создал тем самым основу для дальнейшего выстраивания отношений с каждой из них в отдельности, уже как с независимыми государствами.

⁴⁴ МВФ открыл представительство в Москве в ноябре 1991 г., поначалу неформально, и разместил его в двух номерах на втором этаже гостиницы «Метрополь». Его организатором и первым руководителем был знакомый Мишелю Камdessus по Парижу Жан Фоглиццо, никогда в МВФ не работавший. Затем ему на смену приехала Берк Диллон, а когда она уехала в Вашингтон на должность административного директора Фонда, представительство еще два года возглавлял Том Вулф, и уже его сменил на этом посту автор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.